

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ЭТИКА КАНТА И ЕРЕСЬ АНТРОПОЛАТРИИ.

Пацашвили Сергей Сергеевич.

Магистр социологии,

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

(392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33).

ETHICS OF KANT AND THE HERESY OF HUMAN WORSHIP.

Patsiashvili Sergei Sergoevich.

Master of Sociology,

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

(392036, Tambov city, Internationalnaya street, house 33).

DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2021.4.74.540

АННОТАЦИЯ

Статья исследует понимание этики у Канта и происхождение его категорий нравственности. Особое внимание уделено категории отвращения, которая представляет своего рода исключение в кантовской этике, поскольку никак не выводится из разума и трансцендентального единства апперцепции. Здесь Кант обращается к чувствам, и в целом к каким-то иррациональным категориям. Иррациональная категория отвращения используется Кантом в тех местах, где он аргументирует запрет самоубийства и запрет таких деяний, которые он охарактеризовал как “*crimina carnis contra naturam*”. Запрет самоубийства Кант называет первым этическим запретом, на котором основаны все обязанности перед самим собой. Отсюда можно предположить, что рациональная кантовская этика стоит на довольно иррациональном фундаменте, коим является категория отвращения. Запрет самоубийства – это базовый христианский запрет, Августин называет его самым тяжким грехом, поскольку здесь физически невозможно покаяние. Можно предположить, что Кант в данном случае исходит из такой догматической предпосылки. Но сам Кант иначе аргументирует этот запрет, указывая на то, что отвращение является отличительной чертой человека от прочих животных, стало быть, запрет самоубийства представляет собой признак доминирования человека над прочими животными. Это больше напоминает не каноническое христианство, а старую ересь поклонения человека, запрещенную в 4-ом веке, в которой оппоненты нередко обвиняют протестантских теологов.

ANNOTATION

The article examines Kant's understanding of ethics and the origin of his categories of morality. Particular attention is paid to the category of disgust, which is a kind of exception in Kantian ethics, since it is in no way derived from reason and the transcendental unity of apperception. Here Kant refers to feelings, and in general to some kind of irrational categories. The irrational category of disgust is used by Kant in those places where he argues the prohibition of suicide and the prohibition of such acts, which he characterized as “*crimina carnis contra naturam*”. Kant calls the prohibition of suicide the first ethical prohibition on which all obligations to oneself are based. Hence, it can be assumed that the rational Kantian ethics stands on a rather irrational foundation, which is the category of disgust. The prohibition of suicide is a basic Christian prohibition, Augustine calls it the most serious sin, since repentance is physically impossible here. It can be assumed that Kant in this case proceeds from such a dogmatic premise. But Kant himself argues this prohibition differently, pointing out that disgust is a distinguishing feature of man from other animals, therefore, the prohibition of suicide is a sign of man's dominance over other animals. This is more reminiscent of not canonical Christianity, but the old heresy of human worship, forbidden in the 4th century, in which opponents often accuse Protestant theologians.

Ключевые слова: отвращение, самоубийство, разум, антрополатрия, браконьерство, животное, грех.

Key words: disgust, suicide, reason, anthropolatry, poaching, animal, sin.

Вопреки распространённому мнению, далеко на все положения этики Канта исходят исключительно из разума, и далеко не каждый этический запрет базируется на разуме. Хотя изначальный посыл кантовской мысли заключается как раз в том, чтобы выстраивать критическую философию, которая отличается тем, что не апеллирует к положениями веры и прочим безапелляционным инстанциями, которые не опираются на чувства. Стало быть, чувства, наши сенсоры важны для постижения истины, хоть и не играют самую главную роль. Разум у Канта

находится всё-таки по ту сторону чувств и представляет собой некий самостоятельный феномен. Но разум связан с чувствами в первую очередь тем, что это именно им создаются условия для существования и действия сенсоров. Стало быть, чувства можно использовать для познания истины, но не в грубом постулате сенсуалистов: “знаю только то, что вижу”, а как некий указатель на то, что стоит за этими чувствами и делает возможным их существование. Например, мы видим вещи в пространстве, и это рассматривается, как указатель на некую идею пространства, которая

сама по себе от деятельности чувств никак не зависит [1]. С этикой на первый взгляд тоже самое. Мы видим какой-то поступок, но наши глаза ничего не могут сказать нам о нравственности или безнравственности этого поступка. Однако благодаря глазам, когда мы что-то видим, мы испытываем определённые эмоции, вплоть до угрызений совести, мы приходим к неким суждениям, которые опираются уже на некую идею в голове. Но есть такие запреты у Канта, которые совершенно не отсылают нас к какой-то сверхчувственной идее, а остаются целиком на почве чувств. Мы испытываем отвращение от того, что видим, никакой идеи за этим нет. Кант вообще не объясняет, что представляет собой это отвращение, взятое, как идея, это чистая эмоция, оно никак не связано с угрызениями совести, но связано с категоричным императивом. Тем не менее, даже категоричный императив не предшествует этому отвращению, а, наоборот всё выглядит так, будто как раз это отвращение предшествует категоричному императиву и является догматической предпосылкой всей кантовской этики.

Чаще всего о отвращении говорится в связи с самоубийством и категорическом запрете этого деяния. *"Самоубийство не потому отвратительно и недозволено, что жизнь представляет собой такое уж высокое благо, а потому, что тогда зависит лишь от воли каждого, считает ли он её высоким благом для себя"* [2, с.146]. Или в другом месте: *"Самоубийство, однако, не потому отвратительно и не дозволено, что Бог запретил его, но Бог запретил его, потому что оно отвратительно падением внутреннего достоинства человека ниже животности; итак, всем моралистам прежде всего следует указывать на внутреннюю отвратительность самоубийства"* [2, с.148]. Очевидно, самоубийство связано именно с отвращением, а отвращение возникает в результате деятельности чувств, а вовсе не разума и не сверхчувственных идей в разуме. Кажется, что запрет самоубийства целиком проистекает из деятельности чувств. *"Самоубийство есть величайшее нарушение обязанности перед самим собой. В чём же заключается отвратительность этого поступка?"* [2, с.122]. Этот запрет является вообще базовым для этики Канта именно потому, что является величайшим нарушением обязанности перед самим собой. *"Обязанности перед самим собой суть верховное условие и начало всякой нравственности, ибо ценность лица составляет моральную ценность, ценность же умения относится лишь к его состоянию"* [2, с.123]. Снова природа этого отвращения никак не объясняется разумными причинами, это эмоция, которую мы испытываем благодаря нашим сенсорам, и в этом месте должны им безоговорочно доверять. Кант сам признаёт, что это отвращение находится за гранью человеческого уразумения. *"[...]однако само по себе самоубийство отвратительно. Здесь мы имеем правило нравственности, которое*

превосходит любое правило благоразумия и рефлексии, которое апподиктически и категорически повелевает блюсти обязанности перед собой. Ибо человек пользуется здесь своими силами и своей свободой против самого себя, он сам себя делает здесь трупом и т.п." [2, с.123].

И всё-таки, какое-то объяснение запрета самоубийства Кант даёт, и опирается оно на превосходство человека над животными, более того, запрещая себе совершать самоубийство, человек не только превосходит животных, но и каким-то образом доминирует над ними, покоряет природу. *"То, чем человек свободно может располагать, необходимо есть вещь. Животные здесь также рассматриваются как вещи, человек же не есть вещь, это – скот. Он полагает в себе, следовательно, ценность скота, если свободно располагает собой самим. Но кто считает себя чем-то подобным, кто не уважает человечности, кто сам себя сделал вещью, тот становится объектом свободного произволения для всякого, с ним впоследствии всякий может делать что захочет, с ним другие могут обращаться как с животным, как с вещью. На нём можно упражняться (exerzieren), как на своей лошади или собаке, ибо он уже не человек более, он сделал самого себя вещью, а, значит, он не может требовать, чтобы другие уважали в нём его человечность, поскольку он сам уже отвергнул её. Но человечность достойна уважения, и если даже человек - дурной человек, то человечность в его лице всё же достойна уважения"* [2, с.146]. Итак, кроме того, что это утверждение позволяет ездить верхом на том, кто совершил неудачную попытку самоубийства, оно указывает и на источник того самого отвращения. Это отвращение, которое испытывает человек, наблюдая за поведением животных, и, отказываясь себя вести так, как они, он тем самым превосходит их. Животные, по Канту, не имеют свободы и действуют по произволу, следовательно, когда человек отказывается вести себя, как животное, он тем самым обретает собственную свободу и становится целью. Собственно, немецкая философия всегда понимала свободу человека как служение его человечеству – эта черта объединяет и Канта, и Гегеля. Но начало было положено именно Кантом. Для него несвобода тесно связана с самоубийством, по сути, убивать себя, значит, убивать свободу, убивать в себе свободное существо. То есть, корова, дающая человеку своё молоко, или куры, отчуждающие в его пользу яйца, ровно, и как и лошадь, отдающая свои мускулы на службу человеку – все они тем самым совершают самоубийство. Кстати, если бы человек продавал части своего тела, то, как утверждает Кант, он также нарушал бы обязанности перед самим собой и делал бы нечто отвратительное, то есть, сродни тому, что делают животные, находящиеся в услужении человека, а, по сути, всякие животные, поскольку человек может всякое животное использовать подобным образом, и это даже считается долгом человека. Кант допускает только такую потерю человеком

частей собственного тела, которая способствует общему самосохранению. В остальных случаях снова речь идёт о чём-то отвратительном, пределом чего является самоубийство. Свобода в данном контексте – это категория разума, что, казалось бы, позволяет объяснить запрет самоубийства, исходя из разума, а не из сенсорных ощущений.

И всё-таки, связь свободы с недопустимостью самоубийства остаётся в значительной степени неясной, вычурная теория свободы Канта здесь явно не удовлетворительна, по сути, она основана на аналогии: если вещь перестаёт принадлежать себе, когда попадает под власть человека и тем самым уничтожается, то и самоуничтожение человека якобы, уподобляет его вещи. Пример с вещью или скотом здесь является не более, чем метафорой. Таким способом можно осудить убийство, а не самоубийство. Действительно, в данном контексте при убийстве происходит как бы уподобление человека вещи, причём один человек низводит до вещи другого. Но нельзя тоже самое сказать про самоубийство, поскольку в данном случае человек низводит себя не до вещи, а до ничто, и никакой власти над самим собой после смерти он уже не имеет. Кант и сам понимает несовершенство данной аргументации, поэтому снова и снова возвращается к этому вопросу, рассматривая его под разными углами зрения. *"Человек может располагать своим состоянием (Zustand), но не своей личностью (Person), ибо он сам есть цель, а не средство. Всё на свете имеет лишь ценность средства, человек же есть лицо, а не вещь, и, значит, не средство. Совершенно противно естеству, чтобы разумное существо, которое есть цель, ради коей существуют все средства, употребляло себя самое как средство. Хотя лицо и может служить средством у других, например, своим трудом, но так, чтобы он не переставал быть в качестве лица и цели; кто делает то, из-за чего он не может быть целью, тот пользуется собою, как средством и делает своё лицо - вещью"* [2, с.123]. Здесь уже более ясно проступают основания кантовского отвращения. Все вещи в мире, и все животные - это средства, а человек, как разумное существо – это цель, это тот, кто от природы создан для того, чтобы эксплуатировать эти средства, а потому он не может сам до них уподобляться. То есть, кантовскому человеку мало ощущать своё превосходство над живой природой, он должен на практике воплощать это превосходство, доминируя и подавляя всё живое и неживое. Оно и понятно, ведь отвращение испытывает не разум, а сенсоры человека. Стало быть, даже сенсоры человека уже отличаются от сенсоров животного. Животное, когда видит самоубийство или другие "отвратительные" явления, оно не испытывает отвращения, и те же самые глаза животного, с такой же сетчаткой и зрачком, но на голове человека уже испытывает отвращение от взгляда на те же самые явления, от каких животное отвращения не испытывало. Канту, в отличие от средневековых мыслителей, мало того, чтобы человек превосходил

прочих животных духовно, необходимо, чтобы он превосходил их ещё телесно, чтобы сама его сенсорика была уже другой. А телесное превосходство подразумевает и доминирование на практике. Средневековых мыслителей удовлетворяло то, что у человека есть душа, и уже этим он отличается от прочих животных и превосходит их, телесно он мог вполне оставаться животным. У Канта же у человека помимо души есть ещё и некое иное тело, отличное от тела животного, следовательно, и превосходство своё над животными он должен демонстрировать также телесным способом, то есть доминируя и подавляя живую природу, а порой и вовсе браконьерским образом разоряя её.

Чтобы более полно объяснить это право на доминирование, нужно раскрыть, что такое животное, и чем, собственно, от него отличается разумное существо? Кант, нужно сказать, делает это довольно примитивным образом, с точки зрения современной биологии его понимание животных выглядит слишком устаревшим и бихевиористским. Здесь немецкий мыслитель ничего не изменил со времён Декарта [3] и также, как и последний, рассматривал животных, как некие машины – бездушные механизмы, действия которых целиком зависят от внешних стимулов и диктуются реакциями на эти стимулы. Совсем другое: организм, у которого есть душа. Действия такого организма никак не сводятся к реакциям на внешние раздражители, сам разум, по Канту, как способность к абстрактному мышлению, заключается как раз в том, чтобы не реагировать на внешние раздражители, и исходить из каких-то своих, внутренних стимулов поведения. Понятно, что с точки зрения науки сегодня такое понимание разума и отличий человека от животных уже будет считаться в высшей степени некомпетентным. Но интересно разобрать философские следствия из этого различия, которые делает немецкий мыслитель. Только кажется, что кантовское отвращение возникает целиком из разума и базируется на разуме, но если присмотреться, легко увидеть, что это как раз кантовское понимание разума базируется на его концепции отвращения, то есть, в конечном итоге на сенсорных ощущениях, которые в конечном итоге исходят из веры. Запрет самоубийства – это самый ключевой, базовый христианский запрет. Августин называет его самым тяжким грехом, объясняя это тем, что в любом ином грехе, включая убийство, ещё можно покаяться, можно исповедаться у священника и получить отпущение грехов, а с самоубийством это сделать физически невозможно [4]. И Кант не случайно называет самоубийство величайшим нарушением обязанности перед самим собой. Кант и Августин одинаково смотрят на превосходство человека над прочими животными, как над скотом, только Августин исходит из соображений веры: бог воплотился в человека и может даровать святость только человеку. Кант исходит из соображений разума, и даже бог в его понимании исходит из соображений разума, когда запрещает

самоубийство. Единственное объяснение, какое здесь возможно, что при помощи подобных запретов человек доминирует над живой природой, подавляет её, проявляя свои привилегии. А разум – это уже следствие такого подавления, то есть, в конечном итоге, следствие веры, только понятой довольно грубо и искажённо по сравнению с христианскими канонами.

Самоубийство – это не единственное деяние, которое, по Канту, должно вызывать отвращение, есть и иные, которые вызывают даже ещё большее отвращение и кажутся немецкому мыслителю уж совсем омерзительными. "*Самоубийство есть, правда, самое ужасное, что может совершить человек над самим собою, но оно все же не так низко и неблагородно, как *crimina carnis contra naturam*. Это – самое презренное, что может совершить человек. А потому *crimina carnis contra naturam* также неудобомыслимы, ибо уже одним тем, что мы их упоминаем, мы вызываем отвращение, чего всё-таки не бывает в случае самоубийства"* [2, с.160]. Термином *crimina carnis contra naturam* Кант называется несколько явлений, выделяя три главных их категории: онанизм, гомосексуализм и скотоложество. Все эти три явления вызывают у него отвращение, стоит ему лишь о них заговорить. В некоторых пунктах Кант очевидно, обобщил свои личные ощущения, сформированные христианским воспитанием, на всё человечество, поскольку испытывать отвращение от слов о онанизме может далеко не каждый. Кант испытывает, и в этом видна уже какая-то его личная травма, которая не имеет никакого отношения к его же пониманию разума. Это исключительно сенсорное восприятие, воспитанное догматами веры. В целом же за этической позицией Канта стоит лишь попытка объяснить христианские догматы аргументами разума, что неизбежно ведёт и к огрублению, вульгаризации этих самых догматов. Ведь для христианской теологии для человека нет нужды на практике доминировать над живой природой и через это доминирование объяснять себе свои этические запреты, и понимание человека как цели, а остальной жизни – как средства, означает именно это – человек становится целью, только когда всю остальную жизнь превращает в средство. Это браконьерское положение, надо думать стоит и за кантовским категоричным императивом: всегда относись к человеку не как к средству, а как к цели. Высший нравственный закон, как и единство трансцендентальной апперцепции, на котором покоится кантовское понимание разума - всё это, получается, опирается лишь на стремление человека относиться к живой природе как к средству, покорять и подчинять её своей воле. Быть разумным, по Канту, – это значит относиться как к цели к себе подобным и как к средству – ко всему остальным.

И всё-таки, ещё остаётся неясным связь таких явлений, как самоубийство, онанизм и прочие *crimina carnis contra naturam*, и как они все вместе связаны с доминированием человека над живой

природой. Очевидно, здесь не хватает какого-то звена, про которое Кант не упоминает, а именно - запрета абортов. Это тоже один из базовых запретов в христианстве, который объединяет в себе одновременно сексуальные запреты и запрет самоубийства, поскольку отказ от продолжения рода можно рассматривать как форму самоубийства. Кант пишет ясно: "*если свобода есть условие жизни, то она не может служить для того, чтобы уничтожить жизнь, ибо иначе она разрушит и уничтожит себя самое; тогда человек пользуется жизнью, чтобы уничтожить жизнь. Жизнь хотят употребить для того, чтобы породить безжизненность, – но это самопротиворечиво. Предварительно мы уже видим, что человек не может свободно располагать самим собою и своей жизнью, но только своим состоянием"*[2, с.143]. Понятно, что он имеет в виду здесь исключительно человеческую жизнь. Аборт в кантовском понимании должен означать как раз использование человеческой жизни, как средства, а не как цели, причём в недозволительной для человека форме. Именно к продолжению рода, больше того – к увеличению численности человеческого населения сводятся все эти кантовские запреты. Запрет онанизма, запрет гомосексуальности, удовлетворение своей половой потребности исключительно с противоположным полом, и в то же время запрет добровольно уйти из жизни, если, например, человек родился в крайне неблагоприятных условиях и считает своё появление на свет ошибкой. И здесь уже прослеживается некий способ доминирования: человек доминирует над живой природой за счёт высоких темпов размножения своего вида. Чем больше особей своего вида создаёт человек, тем больше он может захватить жизненного пространства, больше произвести, переработать, больше одомашнить животных и растений. Следовательно, долг размножения следует рассматривать, как самый главный долг человека в кантовской философии, из которого уже вытекают и разум, и категоричный императив.

Никто так хорошо не объяснил феномен экспансии за счёт высоких темпов размножения своего вида, как это сделал Т. Мальтус. В своём "Эссе о законе о народонаселении" Мальтус рассматривает проблему избыточной численности населения или, иначе говоря, локального перенаселения [5]. Автор утверждает, что человеку от природы свойственно создавать потомства больше, чем он способен прокормить, что неизбежно ведёт к голоду и социальным потрясениям. Позже другой английский исследователь и последователь Мальтуса – Ч. Дарвин распространит выводы Мальтуса на всех домашних животных и паразитов, и даже предпримет попытку распространить их на всех живых существ [6]. Согласно Дарвину, путём избыточного размножения вид осуществляет свою экспансию в борьбе против окружающей среды, и выживание самых приспособленных обусловлено

именно природной склонностью вида плодить потомство, не обеспечивая его существование ресурсами. Таким образом возникает дефицит ресурсов, который является главным регулятором взаимоотношений в живой природе. По Канту, таким регулятором в человеческом обществе является разум, следовательно, разум базируется на некоторой презумпции дефицитности. Мальтус призывает сдерживать рост численности человеческого населения путём жесткого христианского, даже пуританского воспитания, то есть – путём аскетизма и трудовой дисциплины. И всё-таки, человеческий вид полагается исключительным именно в силу того, что проявляет большую способность к размножению в условиях дефицита и большую живучесть в условиях недостатка ресурсов. Нужно сказать, что Мальтус был не только мыслителем, но ещё и христианским священником, и как служитель церкви он не мог допустить такие практики, как эвтаназии и аборт для контроля численности населения. Это ведь самые базовые запреты в христианстве, можно сказать, отличительная черта христианского вероучения. Хотя многие пытались истолковать иудейскую заповедь "не убий", как запрет в том числе и самоубийства, но в иудейской традиции не было обычая исповедаться, чтобы получить отпущение грехов. Только с появления обычая исповеди самоубийство стало самым тяжким грехом, поскольку в нём физически невозможно исповедаться. И, конечно, Мальтус, как христианин, не мог предположить, что как раз запреты аборт и эвтаназии являются причиной, из-за которой происходит избыточный рост численности населения со всеми его драматичными последствиями. Ведь в таком случае ему следовало бы христианство признать виновником перенаселения. Мальтус этого не делает, но Кант косвенным образом делает.

Именно поэтому Кант настаивает на недопустимости эвтаназии и, надо думать, абортов тоже – всё это может способствовать сокращению численности человеческого населения. В отличие от христианства, где этот запрет объясняется толкованием заповеди "не убий" и обрядом исповеди, у Канта эти христианские запреты объясняются целью экспансии и покорения живой природы, то есть, само христианство истолковывается в духе Просвещения и научно-технической революции. Кант таким образом соединяет научный прогресс с христианским вероучением, науку с религией, пытается выстроить философию просвещения с опорой на христианство в противовес западным апологетам просвещения, которые были либо атеистами, либо, если были верующими, то их представления о боге мало напоминали христианство и больше напоминали древний иудаизм. К примеру, Томас Гоббс считал самоубийство вполне себе допустимым проявлением свободы [7, с.164-173]. Кант придумал, как сочетать ценности Просвещения с основами христианского вероучения, что, собственно, стало главным

мотивом вообще всей так называемой немецкой классической философии. Гегель впоследствии также же будет утверждать, что грядущее царство духа представляет собой синтез тезиса Средневековья и его антитезиса – Просвещения [8, с. 444-451]. Но Гегель позволяет себе отойти от церковной догматики и смотреть уже в будущее. Кант же пытается объединить эту догматику с ценностями просвещения уже сейчас, в настоящем. И единственный способ это сделать – это провозгласить рост численности населения главной задачей прогресса и науки, экспансия природы через рост населения рассматривается как основа христианского вероучения. При этом, конечно, этот рост тоже должен быть в рамках разумного, поэтому аскетизм и трудовая дисциплина здесь тоже приветствуются. Но в целом это всё равно приводит к огрублению христианского учения и искажению христианского Предания, что, впрочем для немецких протестантов считалось вполне допустимым.

Но то вульгарное христианство, что предстаёт перед нами в учении Канта – заходит куда дальше протестантизма в область тех сект и учений, которые были объявлены ересью ещё на заре христианства. В первую очередь, речь, конечно, о ереси священника Аполлинария, развитой его учеником – Полемием Сильвием, и вошедшей в историю под названием антрополатрии, то есть, поклонения человеку или сарколатрии – поклонения плоти [9]. Название такое ересь получила за то, что её сторонники призывали поклоняться не только духу Христа, но и его человеческой плоти, полагая, что святость заключалась уже в самой этой плоти. Потенциально плоть Христа, как всякую человеческую, они тоже считали способной на грех и также одержимую греховными помыслами. У Канта тоже способность человеческой плоти на грех является её отличительной чертой, и это отличает её от плоти животного. Животное, совершая те же самые действия, например, гомосексуализм, не воспринимает их как грех и не испытывает отвращения. Человек, как разумное существо, испытывает, и потому, совершая эти поступки, совершает грех. Способность на грех, следовательно, указывает на особый статус человеческого тела, на его принципиальное отличие от тела прочего животного. Христианство признало это ересью, поскольку человеку достаточно отличаться от животных тем, что он имеет душу, тело может быть таким же, как у животных.

Сторонники антрополатрии утверждали, что уже и телом своим человек отличен от животных. Отсюда возможны далеко идущие следствия, например, именно в секте сторонников антрополатрии возникло учение о возможности построения царства божьего на земле руками человека. Напомним, что отец церкви Августин напрочь отрицает такую возможно, град земной – это юдоль скорби и греха, град божий – не от мира сего. Следовательно, совсем иначе

выстраиваются в антрополатрии отношения со светскими властями.

Если люди сами могут построить царство божье на земле, то и светские государи могут быть строителями этого самого царства и верховодить в церкви, которая объединяет людей для этого строительства. То есть, светский государь фактически становится главой церкви с правом назначать епископов. Епископы при этом обязаны соблюдать целибат, хотя на момент появления ереси антрополатрии целибат среди высших иерархов церкви не был обязательной нормой, но считался негласным правилом. Царь же не должен и не может соблюдать целибат, поскольку должен оставить наследников, которые примут от него власть. Ну и, конечно, запрет самоубийств и абортов в таком царстве будут действовать на порядок жёстче, наказания за аборт и попытку суицида будут до крайности жестокими, а принуждение к продолжению рода будет крайне навязчивым. Вместе с тем, такое государство будет ещё и целенаправленно покорять, разорять и захватывать живую природу, относясь к ней исключительно как к средству. То есть, это было бы совершенно браконьерское государство, в котором церковь и государство сливаются в нечто единое целое. Сам Полемий Сильвий был высоким государственным чиновником в Риме, он сочетал церковную службу с государственной. В наибольшей степени на такое браконьерское, вульгарно-христианское государство были похожи Англия эпохи абсолютизма и Российская империя. В Англии король, будучи главой церкви, ни в коем случае не должен соблюдать целибат, причём это может быть даже женщина – королева. После принятия Конституции или, точнее, билля о правах, светская власть короля была сильно ограничена, со временем сложилась уникальная ситуация: король, по определению светский правитель, имеет теперь больше церковной власти, чем светской. К тому же, английская церковь отменила целибат, что существенно сгладило её браконьерский характер. И ничего из этого не было сделано в русском православии. Российский царь, получивший после воцарения Романовых право назначать епископов в церкви, никогда не был ограничен какой-то Конституцией и целибатом, в то время как высшие иерархи церкви, назначенные им, должны были соблюдать целибат. Иными словами, здесь ересь антрополатрии достигла наивысшего своего расцвета. Такого не могло быть даже в православной Византии, где император находился как бы вне церкви, зачастую будучи еретиком или вовсе язычником, а епископы не назначались им, а выбиравлись самими верующими.

При этом сами российские еретики не признавали себя таковыми, более того, публицисты из числа славянофилов вовсе утверждали, что, наоборот, это русское православие является подлинным христианством и наследником византийского православия, от которого отпало католичество, а затем и протестантизм [10]. Только отсутствие университетов в России долгое время не

позволяло возникнуть здесь философу, подобного Канту, но очень символично, что сегодня родина Кант – город Кёнигсберг фактически является территорией России. По сути, даже военная концепция Российской империи – "принуждение к миру" или "война за дело мира", во многом резонирует с кантовской философией. Кант, конечно, не был пацифистом, но, учитывая долг сохранять человеческое население и увеличивать его, единственная война, которая может быть оправданной в его глазах – это так называемая война за дело мира. При этом это вовсе не миротворчество. Обычный пацифист выступает против войны, потому что считает её злом и великим бедствием, кантовский пацифист выступает против войны с вполне себе прагматичной браконьерской целью, потому что война сокращает человеческое поголовье, и человек должен отказаться от войны, чтобы сплотиться и совместными силами продолжать покорять, разорять, подчинять всю остальную живую природу. Поэтому для обычного пацифиста "война за дело мира" – это нонсенс, и звучит как-то совершенно нелепо. Для кантовского пацифиста "война за дело мира" – это значит, война за дело браконьерства, война против живой природы, и против тех людей и стран, которые, исходя из кантовской мысли, не хотят присоединиться к этому браконьерскому мегапроекту и опускаются, по Канту, до уровня животных. То есть, это уже не люди, в таком случае противник – это уже не человек. Отсюда вытекают далеко идущие и крайне вредные следствия, которые заключаются в полном отсутствии уважения к своему врагу на войне, в невозможности и даже бессмысленности каких-то проявлений рыцарства. Врага уважают, только когда видят в нём равного себе, в противном случае считаются допустимыми все подлости и низости, которые можно применять к онанисту или неудавшемуся самоубийце, на котором, по мнению Канта, можно разезжать верхом, как на лошади. К такому врагу можно относиться как к средству, а не как к цели, но это говорит лишь о том, что кантовская философия годится исключительно для мирного времени, и становится совершенно непригодной на войне, где вскрывается её шарлатанский, неблагородный характер.

Список литературы:

1. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения. В 6-ти томах. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 800 с.
2. Кант И., "Лекции по этике", М.: Наука, 2000.- 431 С.
3. Декарт Р. Сочинения: В 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1989. С. 250–296.
4. Августин Бл. О Граде Божием. В 4-х томах. М.: Изд-во Валаамского монастыря, 1994.
5. Мальтус Т., «Опыт о законе народонаселения или изложение прошедшего и настоящего действия этого закона на благоденствие человеческого рода, с приложением нескольких исследований о надежде на отстранение или

смягчение причиняемого им зла». СПб.: типография И. И. Глазунова, 1868.

6. Дарвин Чарльз. Происхождение видов путем естественного отбора. — Л.: Наука, 1991. 539 с.

7. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1991.

8. Гегель Г.В.Ф., Феноменология духа/Пер. С нем. Шпета Г.Г., Комментарии Селиванова Ю.Р. — М.: Академический Проект, 2008. — 767 с. — [Философские технологии: философия].

9. Подробное изложение веры. / Пер. и прим. Г. И. Беневича. // Антология восточно-христианской богословской мысли. В 2 т. Т. 1. М.-СПб., 2009. С. 358—367.

10. Хомяков А. С. Всемирная задача России / Составление и комментарии М. М. Панфилова / Отв. ред. О. Платонов. Изд. 2-е — М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. — 784 с.

Bibliography.

1. Kant I. Kritika chistogo razuma // Sochinenija. V 6-ti tomah. T. 3. M.: Mysl', 1964. 800 s.

2. Kant I., "Lekcii po jetike", M.: Nauka, 2000.- 431 S.

3. Dekart R. Sochinenija: V 2 t. — Т. 1. — М.: Mysl', 1989. S. 250–296.

4. Avgustin Bl. O Grade Bozhie. V 4-h tomah. M.: Izd-vo Valaamskogo monastyrja, 1994.

5. Mal'tus T., «Opyt o zakone narodonaselenija ili izlozhenie proshedshego i nastojashhego dejstvija jetogo zakona na blagodenstvie chelovecheskogo roda, s prilozheniem neskol'kih issledovanij o nadezhde na odstranenie ili smjagchenie prichinjaемого im zla». SPb.: tipografija I. I. Glazunova, 1868.

6. Darwin Charl'z. Proishozhdenie vidov putem estestvennogo otbora. — L.: Nauka, 1991. 539 s.

7. Gobbs T. Leviafan, ili Materija, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo // Gobbs T. Sochinenija: V 2 t. — Т. 2. — М.: Mysl', 1991.

8. Gegel' G.V.F., Fenomenologija duha/Per. S nem. Shpeta G.G., Kommentarii Selivanova Ju.R. — М.: Akademicheskij Proekt, 2008. — 767 s. — [Filosofskie tehnologii: filosofija].

9. Podrobnoe izlozhenie very. / Per. i prim. G. I. Benевича. // Antologija vostochno-hristianskoj bogoslovskoj mysli. V 2 t. T. 1. M.-SPb., 2009. S. 358—367.

10. Homjakov A. S. Vsemirnaja zadacha Rossii / Sostavlenie i kommentarii M. M. Panfilova / Отв. ред. О. Платонов. Изд. 2-е — М.: Institut russkoj civilizacii, Bлагосlovenie, 2011. — 784 s.

КУЛЬТУРА ГОРОДА УФА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

*Сулейманова Римма Рифкатовна,
кандидат философских наук, доцент
Башкирский государственный университет, г.Уфа
Корниенко Константин Алексеевич,
студент 3 курса факультета философии и социологии,
Башкирский государственный университет, г.Уфа*

UFA CITY CULTURE AS A FACTOR OF THE IMAGE FORMATION OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

*Suleimanova Rimma Rifkhatovna,
PhD in Philosophy, Associate Professor
Bashkir State University, Ufa
Kornienko Konstantin Alekseevich,
3rd year student of the Faculty of Philosophy and Sociology,
Bashkir State University, Ufa
DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2021.4.74.535*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена актуальной проблеме формирования имиджа и повышения конкурентоспособности Республики Башкортостан. Особое внимание уделено главным достопримечательностям и событиям города. Авторы считают, что именно культура города Уфы является одним из действенных инструментов формирования имиджа региона, поскольку столица выступает как бренд республики.

ABSTRACT

The article is devoted to the topical problem of image formation and enhancing the competitiveness of the Republic of Bashkortostan. Particular attention is paid to the main attractions and events of the city. The authors believe that the culture of the city of Ufa is one of the most effective tools to form the image of the region, since the capital acts as a brand of the republic.

Ключевые слова: культура столицы; основные достопримечательности; имидж региона; мероприятия города; творческие коллективы; родина талантов.

Keywords: culture of the capital, main attractions, improving the image of the region, city events, creative teams, homeland of talents.